

Суровый свидетель эпохи

Эмме Герштейн – 95 лет

Долгая честная жизнь в литературе в нашем XX веке сама по себе достойна удивления. Но жизнь литератора, не бросающего пера в столь преклонные годы, удивительна втройне.

Эмма Герштейн – уникум. Только что увидела свет ее новая большая книга, в сорок печатных листов, в которую вошли совсем недавно написанные страницы.

Свое имя Эмма Герштейн прославилась прежде всего в лермонтоведении. Ее исследования, посвященные последним годам жизни Лермонтова, опирающиеся на замечательные архивные находки и появляющиеся чаще всего в самом солидном нашем литературоведческом издании – “Литературном наследстве”, становились каждый раз событием. Эмма Герштейн первая прочла дневники императрицы, позволившие многое уяснить в отношении двора к поэту (а для этого она специально изучила французский). Собранные и обобщенные в ее книге “Судьба Лермонтова” (1964), на которую восхищенно отозвалась Анна Ахматова, они безусловно стали этапными в изучении Лермонтова.

Отточенная литературоведческая мысль, блестящие доказательства, великолепное построение делала работы Эммы Герштейн художественной литературой, по слову Ахматовой. Эмма Герштейн где-то обронила, что этому искусству ее научил ее друг Николай Иванович Харджиев. Не знаю. Думаю, что не только поэту надо родиться поэтом. Прирожденный историк литературы так же отличается от подвизающегося в этой области, как живой человек от робота, обученного человеческим движениям.

Превосходный знаток пушкинской эпохи, Эмма Герштейн оказалась первым и лучшим публикатором и комментатором незавершенных пушкинистских работ Ахматовой. Именно

благодаря ей нам открылся целый пласт прозы поэта.

Судьба свела Эмму Герштейн с Осипом Мандельштамом и Анной Ахматовой, и ее зоркий, лишенный какой бы то ни было сентиментальности взгляд мемуариста представил нам образы этих вели-

ких поэтов в совершенно неожиданном и вместе с тем реальном виде. Кое-кто из моралистов от литературы поспешил упрекнуть в этом автора воспоминаний, не заметив, впрочем, какими важными свидетельствами обогатили нас эти мемуары (например, как жена Мандельштама подготавливала поэта к мысли об общей с ним смерти и как это отозвалось в его стихах). Слово у Эммы Герштейн неизменно весомо, что отнюдь не мешает живости изложения. В иных ее воспоминаниях, помимо всего, чувствуется рука литературоведа, смело вводящего в мемуары дышащий временем документ: дневниковые записи, записки, письма. Мало кому из мемуаристов удавалось передать так сильно трагическую жизнь поэта. Эмме Герштейн это всегда удается. Уже как мемуарист она написала большие главы в “Судьбу Ахматовой”, в “Судьбу Мандельштама”. И в ее воспоминаниях из множества значимых деталей вырастает трагический образ нашей эпохи, талантливый и нелюбимый свидетелем которой она теперь без сомнения признана. Почти век ее жизни это и есть весь наш век.

Не так давно Эмма Григорьевна сказала мне:

– У меня сейчас побаливает рука, и я не могу написать больше двух страниц в день...

Не “больше двух страниц”... Дай Вам Бог, Эмма Григорьевна, здоровья и чтобы Вы по-прежнему могли писать не меньше двух страниц в день, – Вам, я знаю, еще так много надо сказать.

Владимир ГЛОЦЕР

Лит. газета. – 1998, – 28 окт. – с. 9